

Юрий Кузнецов в азербайджанской поэзии

Мамед ИСМАИЛ

«Великие писатели могут родиться в закоулках России, но поэты жить должны только в Москве, дышать только московским воздухом», — сказал Юрий Кузнецов, который достиг пика своего творчества именно в этом городе. Как цветы опыляются на расстоянии, так и идеи передаются на много километров вне зависимости от желания или участия самих писателей. В этом смысле творчество Юрия Кузнецова, словно волны, созданные брошенным камнем и охватившие поверхность озера, — его яркий и оригинальный стиль распространился на всё советское пространство. Как говорили в те времена, «у литературных публикаций слишком длинные руки». Книга или журнал, изданные в Москве, доходили до всех уголков страны, и литературная волна, создаваемая Юрием Кузнецовым, охватывала в одночасье весь Союз.

Неповторимое и несравнимое слово поэта достигло Азербайджана раньше него самого. Кузнецов приехал в республику лишь в 1981 году, на юбилей Низами Гянджеви. Этот визит можно было сравнить с поездкой Пушкина или Лермонтова на Кавказ. И конечно же, встречи и выступления поэта не остались для страны незамеченными.

С одной стороны, приезд Юрия Кузнецова и волна, вызванная этим приездом, сделала его кумиром многих азербайджанцев, с другой же стороны, стихотворение, напи-

санное по возвращении в Москву, стало неким мостом между поэтом и Азербайджаном. Стихотворение «Тень Низами» было впервые опубликовано в 1983 году в журнале «Литературный Азербайджан», и позже переведено на азербайджанский язык поэтом Арифом Абдуллазаде. Спустя некоторое время поэт Годжа Халид, посещавший семинары Юрия Кузнецова на Высших литературных курсах, перевёл это и ещё ряд его стихотворений на азербайджанский язык, а я издал их в журнале «Молодость», редактором которого являлся в те времена.

Когда частота биения сердца одного поэта совпадает с частотой сердцебиения другого такого же великого человека, происходят интересные события. Именно таким человеком является азербайджанский поэт Рамиз Ровшан. Как и у Юрия Кузнецова, одно из главных мест в творчестве Р.Ровшана занимает система мифологических образов. Параллель, которую хочу провести между поэтами, — это параллель между двумя людьми, ищущими своё «я». Насколько знаю, Рамиз познакомился с творчеством московского поэта не в переводах, а именно в оригинале.

Когда в 1970-х звезда Юрия Кузнецова засияла в советской литературе и подняла бурю, Ровшан учился в Москве на курсах и, скорее всего, познакомился с его работами в годы учёбы. В результате, сегодня мы можем говорить о сродстве образа мыслей этих поэтов. Например, в стихотворении Юрия Кузнецова «Ветер» есть такие строки:

Ты женщина — а это
ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой — топил на море корабли.

В поэме Рамиза Ровшана «Болъ молочного зуба» встречаем похожий образ:¹

Это любовь, дитя моё,
Любовь, далёкая от жизни,
Любовь, качающая одной рукой колыбели,
А другой — копающая могилы.

В этой же поэме есть такие строки:

Как давно устала ты
в одну точку,
Каждый раз,
смотря на ту фотografiю,
у тебя слезятся глаза.
Поверни её лицом к стене,
Чтобы не обидеть душу
умершей любви.

В стихотворении Юрия Кузнецова «Полотенце» видим эту же идею, но несколько видоизменённую:

Мы в любви сошлись не по закону,
Выбрав ночь и угол потемней.
Ты в углу заметила икону
И смутилась: Не могу при ней!

На иконе Божья Мать с младенцем.
Я сказал, не поднимая глаз:
— Занавесь икону полотенцем.
Хоть она и смотрит не про нас.

¹ В данной статье стихотворения Рамиза Ровшана приводятся в подстрочном переводе.

Поэма Р. Ровшана была написана в конце 70-х годов, а стихотворение Ю. Кузнецова — в 1993-м. В те годы поэма на русский язык переведена не была, а значит, мы можем говорить о сродности мышления и творческих поисков обоих поэтов. Особенно заметна эта схожесть в произведениях, где встречается образ зеркала. У Рамиза Ровшана читаем:

Когда-то мы вдвоём
гляделись в это зеркало,
Теперь в нём пустует твоё место.
Может, от тебя остались
в этом зеркале
Следы губ, ресниц, бровей.
...Убегая, ты утопишь лишь себя,
Вдруг увидишь резко камень на пути.
Взяв его, разобьёшь это зеркало,
Из осколков полетят твои слёзы,
Каждый кусочек уплывёт как корабль
Пока не окружит водой со всех сторон.
И, может, из каждого его осколка
Твои губы будут кричать вслед.

А вот отрывок из стихотворения Юрия Кузнецова «Испытание зеркалом»:

...В роковое уставься зеркало.
— Я плевал на зеркало твоё!
— Но оно твоё плевком возвращало.
— Я твои зеркала разобью
И смеяться осколки заставлю,
Лабиринты твои распрямлю
И тебя куда надо отправлю.
— Разбивай — и начнёшь, как двойник,
размножённый в осколках, смеяться.
Распрямляй — и уткнёшься в тупик,
Отправляй —
сам начнёшь отправляться.

В истории русской литературы много писателей, рано ушедших из жизни. Среди этих авторов есть двое, которые особо притягивают моё внимание: А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. В азербайджанской литературе XX века мы тоже встречаем подобные примеры — это свободолюбивые и рано ушедшие из жизни поэты М. Мушви и А. Кярим.

Невольно возникает мысль о том, что 30 лет — некий рубеж для творческого человека. Так и в стихотворениях Рамиза Ровшана и Юрия Кузнецова видим эту дату. И вновь можно обнаружить некоторое сходство. У Кузнецова в стихотворении «Тридцать лет» читаем:

Где ты, мальчик насмешливый,
властный?
Вижу светлый твой облик во мле.
Десять лет ожиданий и странствий
Минувало на этой земле.
Ты твердил: «К тридцати успокоюсь,
К тридцати невозможным своим
Застреплю или
брошусь под поезд...»
Ты хотел умереть молодым!

Сравнив это со стихотворением Р. Ровшана:

Кажется, слишком уж продирилась
моя жизнь
Кажется, и друзья устали слежка.
Я обманул себя с тридцати лет —
Не хватало сил уйти из этой жизни.
Говорят, поэты рано умирают,
У меня не хватает сил
стать настоящим поэтом.
Убейте меня, нет сил умереть,
Нет сил уйти из этой жизни.

События громадных масштабов не различают ни водных, ни воздушных границ. Это выражение можно отнести и к литературе. В 60-х годах прошлого века писатели из разных уголков страны, независимо друг от друга, начали создавать схожие по духу произведения, позже это вылилось в целое направление «деревенской прозы». Так происходит и с поэтами. Темы, которые их волнуют, и образы — настолько объёмны и значимы, что неподвластны ни времени, ни расстояниям. Великие творческие люди рождаются в великих странах, и могучая биоэнергия бескрайних земель помогает зародиться великой литературе.

Ирина ШЕВЕЛЁВА

Высокоцитимый собеседник

Непросто назвать собеседником профессора, литературоведа, которому поколения будущих писателей сдавали экзамены в Литературном институте. Даже в далёкие годы, совсем молодой, Владимир Гусев уже был наставником, беспощадным к невежеству и легкомыслию экзаменуемых. Теория прозы, теория поэзии, критические статьи, сразу выдвинувшие их автора в разряд мэтров, и романы, среди них «Спаское-Лутвиново», премия, в том числе и зарубежные

афористическим строкам, с блеском концентрирующим его живое, нерядовое чувство. Чувство художника, приближающего мир к человеку через лирическую, знающую силу:

Ветер, шум его.
Горе умному.

А может, просто я не верю в смерть
И что исчезнут небо, воды, твердь.

Хоть знаю я: нет Жизни Той,
а есть — не та.

Тому же служит нежнейшее внимание Гусева к росту, цветению, движению в природе:

Есть тайна в поющем
Мирке безымянном,
Как будто бы гуце
Всё кем-то нам данное.

Урастений
Голова в земле,
Ну, а тело —
В свете иль во мгле.

Взор поэта поражает только ему свойственной, близкой, доброй единичностью восприятия реалий. Они — неповторимые художественные открытия поэта, черты его живописного пера. Ими Гусев борется за ту, свою, даримую нам природу:

Молчат леса-река.
Пришёл хозяин новый.
Не знает языка.

Живое чувство его насмешливо ко всему, что не истинный мир:

Ночь глюков, баксов, комиксов
И прочей брэнности.
Унылый праздник комплексов
Неполноценности.

Владимир Гусев — носитель мощной

силы, творческой, ещё недооценённой веры в силу духа-слова. Она позволяет ему бесстрашно явить свой талант говорить за русский дух:

Мы старше всех в Европе,
Нам тысяч пятьдесят.
А нам об их потопе
Их барды колбасят.

Учёный родом из Воронежа, с родовым пятидесятилетним прошлым видит и располагает мир, Вселенную своим — древним и неограниченно современным — словом. Точным, авторитетным, лиричным. Это и есть великое призвание поэта. Истинного лирика, влюблённого художника. Владимиру Гусеву дано запечатлеть скрытое и под водой, и в небесах. Вот голография Колбасяев:

...Но в морекаменных пещерах
Подводный флот незримо спит.

Подводный город или лагерь
Не слышен в Солнце над водой.
Но в толще реют наши флаги
И бьют часы вседневный бой.

Вот почему так беспокойно
У наших недругов в сердцах.
И от побед в «холодных войнах»
Они испытывают страх.

Мыслящая геополитическая картина у поэта столь же лирична, духовно связана со святыми тайнами вечности, как в его «Пасхе»:

Ты знаешь, в дни, когда ты свято
И любящее себя ведёшь.
Я чужд и ревности помятой,
И злобы, кою — ты несёшь.

Нет «секса», волей иль неволей,
Но чувствую, что я в раю,
И нет ни глупости, ни боли,
И жизнь на грани не крою.

Часто стихи Владимира Ивановича предстают написанными только для себя. А читатель — словно невольный собеседник оказывается вся русская поэзия. Но духом её овевает стихи Гусева: от поэтов-философов русской традиции — Баратынского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева — до Смелякова, Межирова да и множества других имён, своих для образованнейшего словотворца, представителя жанра отечественной профессорской поэзии.

Мощная энергия стиха Гусева не криклива, спокойно глубинна, невзирая на жаровую экстрвагантность. Достоинство лирического образа автора соответствует его социальному статусу. Поэт, творя, одновременно осмысливает страсти жизни, её любовь и борьбу, и тем зримо участвует в ней. Зовёт людей к истинному восприятию себя и мира. Талантливо учит, оттого так притягивает душу искренним словом. С книгой Владимира Гусева, что «томов премногих тяжелей», надолго не расстаются, читавшие в неё, обретая высокоцитимого собеседника.

В прошлом году я, будучи в Калуге, случайно увидел телепередачу, в которой два серьёзных человека говорили о нынешнем положении людей на земле, о жизни крестьянина на сельщине. Шёл предметный, глубокий, заинтересованный, даже острый разговор двух знатоков народного хозяйства. В завершение передачи губернатор Калужской области Анатолий Артамонов сказал своему собеседнику: «Я восхищаюсь вашим отношением к крестьянскому труду, вашей неутомимой энергией. Вы объехали всю нашу страну, знаете тысячи людей, которые работают на земле. И за это вам низкий поклон и наша благодарность»

Анатолий ПАРПАРА

Живое поле
Александра
Арцибашева

Александра Арцибашева, а именно о нём идёт речь, я знаю более тридцати лет, помню его художественный очерк «Хлопоты Филатовых», рассказывающий о личных крестьянских подвоях. Это была первая основательная публикация молодого писателя в журнале «Москва», где я работал заведующим отделом поэзии и куда вскоре пригласил его в качестве заведующего отделом очерка (по моей рекомендации) Михаил Алексеев, главный редактор журнала. Помню его яркие повести: «Стаканчики гранёные», «Прости, отец», «По Ивдельскому дорожке», «Бриллианты Шалыпина», многочисленные очерки и рассказы, которые охватывают жизнь огромного, как море, необъятного крестьянского поля, данного Господом для прокормления народу-труженику.

Роман-эссе «Божий поля» — явление многоплановое, не только художественное, но и аналитическое. В романе 27 глав и каждая на особинку: вбирает в себя не только размышление, не только наблюдения и факты, но и догугу историю жизни русского человека на природной земле, его труды и непреходящую любовь к ней. По структуре своей этот роман близок к пушкинскому очерку «Путешест-

вие в Арзрум» — та же многоплановость и такое же живое участие в событиях.

В одном из своих очерков Александр Николаевич писал: «Почти крестьянский труд невозможно, как невозможно постичь самого Господа, ибо в крестьянском труде соединяются земля и небо, воздух, вода, животный и растительный мир».

Постичь, может быть, и не совсем можно, но понять, вникнуть, порадоваться, посочувствовать добрым словом тягловому человеку даётся далеко не каждому. Арцибашев умеет понять: «Передо мной сидит истинный крестьянин — из той породы, что не скупают при первом ударе судьбы. Разве душа не стонет? А мысли всё равно о том, как вывернуться. За ним ведь община, живые люди. Не их вина в разладе на земле». И тут же посочувствовать, указать корень зла: «Если бы не дёргалки, не давили налогами — давно бы в деревне был лад». А для такого понимания, такого сочувствия надо иметь не просто доброе сердце,

ленного чиновника он фиксирует в романе: «Губернатор Московской области позвонил генеральному директору телекомпании "Подмосковье" Александру Крутову и выразил своё неудовольствие по поводу выхода критического материала. Мне намекали, чтобы я написал заявление об уходе». Но писатель проявил свой неуступчивый характер, чувствуя за спиной дыхание правды: «Я резкоотреагировал на это: — Хотите ещё большего скандала? Давайте потакаемся...» Ощущая себя сыном народа, который не всегда решается высказать неприятие правительственной политики, писатель чётко формулирует свой негатив в адрес президента Ельцина: «На поверку он оказался лицемером и самодуром. Развалил не только партию, но и великую державу». И автор имеет право на такую оценку, ибо за ним стоят голоса тружеников, невольных действиями правительства.

Да, бойцовские качества должен иметь писатель, отстаивающий жизнь на земле. Ведь это его

Но берёшь в руки книгу — свежий томик избранных стихотворений — и с почтением встречаешься с собеседником. С незаурядным представителем профессорской поэзии. Такой негласный жанр существует; представителем его Гусев означил литературоведа и поэта, профессора Юрия Минералова. Это творческая позиция высокой культуры, отечественное богатство, интеллект её носителей, образованное просветительство, опирающееся на вершины русские и мировые.

Но как для каждого, взявшегося за поэтическое перо, главное для Владимира Гусева — его призвание поэта. В течение творческой жизни писатель явил разнообразие современных стихотворных форм, модернистских изысканий, примеров маргинальных жанров, заставляя читателя с особым вниманием постигать их, отключаясь на лирическое чувство автора:

Тут странный случай; он такой,
Что чувственность рождает чувство,
И, начиная Миг с тоской,
Ты входил в звёздный непокой,
Где и душа, и жизнь качнутся...

И ещё более «закрученные» выплески душевных озарений поэта:

Мой «Предмет» служит службю кому?
Служит службю себе, будто мумия
Пробудилась согласно уму.

Да что колодець?
Колодець, да.
Ох, мы, народец...
Не жизнь — вода.

...И злые монстры да уроды
В сознание лезут не спеша.

Владимир Гусев выступил со статьёй о возрастании сегодня числа жанров маргинальных — пограничных, на обочине привычной литературы. Его творческий интерес, тем не менее, сторонится бессмысленной зауми, неопределённости, ибо для автора главное — выявление смысла:

Но всё ж держу глаза и уши я
В самой душевной глубине.

И выступает явное тяготение Гусева к